

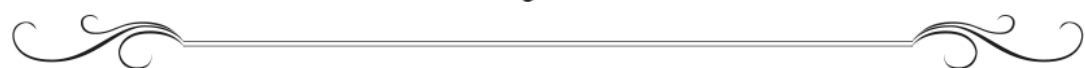
1

По обеим сторонам дороги, ведущей на холм, цвела сакура. Поднявшись на вершину, я увидел новый госпиталь. Такие современные чистенькие здания кажутся нежилыми — словно и не больница вовсе, а бизнес-центр. От этой мысли мне стало чуть спокойнее.

В регистратуре я назвал причину визита, и мне тут же сообщили нужный номер палаты. Подумав о том, что сейчас мне предстоит встретиться с совершенно незнакомым человеком, я снова занервничал. Более того, я нервничал потому, что шел навещать девушку — она угодила в больницу из-за проблем со здоровьем.

В ожидании лифта я никак не мог взять себя в руки. К тому же вспомнил, о чем говорили в классе: та девушка красавица, каких поискать. Ее зовут Мамидзу Ватарасэ.

Ты сияешь лунной ночью

На первом же классном часе, сразу после поступления в старшую школу, наша классная руководительница Ёсиэ-сэнсэй хорошо поставленным голосом сообщила:

— Еще в средней школе Мамидзу Ватарасэ тяжело заболела и попала в больницу. Было бы здорово, если бы она могла выписаться и снова наслаждаться школьной жизнью...

Одно из мест в классе пустовало. Наша частная школа совмещала в себе среднюю и старшую ступени, поэтому одноклассников я хорошо знал еще с прошлых лет учебы. Но, судя по всему, с Мамидзу Ватарасэ почти никто не был знаком.

— У нее синдром свечения.

— Тогда в школе она вряд ли появится...

— Она бросила учебу три года назад.

— Что-то я ее не помню...

— А фотки ни у кого нет?

Одноклассники тут же принялись сплетничать, но о девушке практически ничего не было известно, так что перешептывания вскоре прекратились.

Если у нее и впрямь синдром свечения, вернуться к учебе будет трудновато. К тому же каждый в курсе: болезнь неизлечима. И почему она возникает — неясно. Случаев полного выздоровления еще не было, поэтому людям с ней приходится коротать всю оставшуюся жизнь в больнице.

Поначалу синдром не дает о себе знать, но чем старше человек становится, тем больше рисков, что болезнь про-

Сезон цветения сакуры и прохладный линолеум

явится. Чаще всего она возникает у подростков и молодых взрослых: в группе риска люди от десяти до двадцати пяти лет. Большинство из них умирает, так и не дожив до зрелого возраста.

Симптомы у заболевших бывают разные, но самый характерный — свечение кожи. Ночью, когда на небе восходит луна, их тела источают слабый свет, напоминающий флуоресцентный. По мере развития болезни свечение становится ярче. Потому-то ее так и называли — «синдром свечения».

В общем, я понял, что одноклассница по имени Мамидзу Ватарасэ вряд ли к нам заглянет, и тут же забыл об этом разговоре. Однако спустя несколько дней на перемене по классу пустили лист картона.

— Окада! Подпиши!

— Это что?

— Письмо от класса. Ну, той девчонке с синдромом свечения. Все должны на нем отметитья, а потом отнесут ей.

Я без особого энтузиазма начал выводить на картоне «Надеюсь, ты скоро поправишься. Такуя Окада».

Накарябав эти незатейливые строки, я уже через три секунды был готов вручить письмо следующему в очереди.

— Халтуришь, Окада!

— Дальше кому?

— Вроде все уже подписали... О, Каяма! Точно, отдай ему. Вы же с ним друзья?

Ты сияешь лунной ночью

— Да не то чтобы... — ответил я и направился к парте Каямы.

Тот, как обычно, выглядел неряшливо: форменная рубашка выбилась из брюк, волосы сильно отросли, а сам он, развалившись на столе, мирно посапывал. Добавлю, что он высокий, и, несмотря на свой вид, на хулигана не похож. Лучше всего ему подходит слово «шалопай».

У Каямы правильные черты лица, так что от поклонниц у него всегда отбоя не было. Зато парни предпочитали держаться от него подальше: с окружающими он вел себя слегка высокомерно.

— Каяма, просыпайся!

— Да ладно, меня выбрали главным по общежитию красоток?.. — пробормотал он во сне. Кажется, ему виделось нечто приятное.

Я стал тормошить его, пытаюсь вернуть в суровую реальность.

— А... Окада? Чего тебе?

Что бы про нас ни говорили, но водить с ним дружбу я не собирался. И дело тут даже не в его безалаберности, хотя я ее на дух не переношу. Когда-то Каяма мне сильно помог, и теперь я ему многим обязан. Из-за этого даже простая болтовня с ним приводила меня в необъяснимое смятение. Нет, нас нельзя назвать приятелями — скорее уж я был его должником.

— Это письмо девочке с синдромом свечения...

— А-а...

Сезон цветения сакуры и прохладный линолеум

Каяма взял лист и скользнул по нему рассеянным взглядом.

— Мамидзу Ватарасэ...

По его тону и выражению лица можно было понять, что он мысленно вернулся в прошлое.

Я насторожился:

— Ты ее знаешь?..

— Ну, когда-то знал. Значит, теперь ее фамилия Ватарасэ... — пробормотал Каяма. — Ладно, подпишу.

Добившись от Каямы ответа, я пошел на свое место.

— Окада... Ты сам-то как? — окликнул меня он.

— В смысле?

— Все в порядке?

— В полном, — отрезал я, еле сдерживая раздражение.

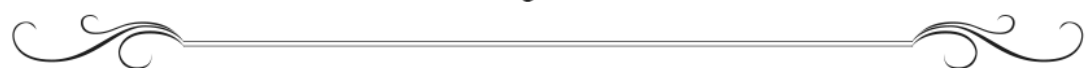
— Ну, у тебя ведь тоже не все гладко, — произнес Каяма таким тоном, словно мог знать, что творится у меня на душе.

— У меня все отлично, — огрызнулся я. Больно нужна мне его забота!

— Письмо от класса, которое вы подписывали, готово. Я хочу, чтобы на выходных кто-нибудь отнес его в больницу. Думаю, Ватарасэ-сан будет приятнее, если это сделаю не я, учительница, а кто-то из одноклассников. Есть добровольцы?

Ёсиэ-сэнсэй была довольно привлекательной девушкой немного за двадцать, но преподавать она начала не так давно и во время классных часов вела себя чересчур робко.

Ты сияешь лунной ночью

Естественно, при таком раскладе желающих не нашлось. А раз никто не вызвался, Ёсиэ-сэнсэй придется самой назначать посыльного — все это знали наперед.

«Хоть бы не меня!» — ясно читалось на лицах моих одноклассников, которые, будто сговорившись, дружно отводили глаза.

И вдруг... ни с того ни с сего руку поднял Каяма. От удивления все как один обернулись к нему.

— Я схожу!

— О, тогда поручаем тебе. Извини за беспокойство.

Лицо Каямы приняло странное выражение. В нем была какая-то обреченная решимость, будто бы он поднял руку не по своей воле.

«Не хочешь идти, так зачем вызвался?» — пожал плечами я.

Наступили выходные, и в воскресенье мне внезапно позвонил Каяма.

— У меня к тебе просьба.

Само собой, мы нечасто пересекались вне школы. Это был, можно сказать, исключительный случай. Пусть и с неохотой, но я, как мне и велели, направился к его дому.

— Я простудился, — прохрипел Каяма, высунувшись из за входной двери. Он был в пижаме и с маской на лице. — Весь горю.

Не похоже, что у него температура, просто решил закосить под больного.

— И чего же ты от меня хочешь? — слегка раздраженно буркнул я, ожидая продолжения.

Сезон цветения сакуры и прохладный линолеум

— Ну, в общем... Я никак не смогу проведать Мамидзу Ватарасэ.

— То есть мне сходить вместо тебя? — уточнил я, на что Каяма коротко кивнул. Затем он ненадолго отлучился и вернулся с заготовленным конвертом: с письмом, распечатками и всякой ерундой.

— Ты уж выручи, — сказал он, протягивая все мне.

На этом Каяма повернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен, и ушел в дом.

Честно говоря, я не поверил ни единому его слову.

2

Так мне пришлось идти навещать незнакомую девушку, да еще и в воскресенье. Больница, в которой лежала Мамидзу Ватарасэ, находилась на конечной станции. Я вышел из дома, сел на электричку, идущую в противоположном от нашей школы направлении, и трясся в ней примерно полчаса, пока не добрался до места.

Зайдя в здание, я поднялся на лифте на четвертый этаж. Всего пара шагов по линолеуму коридора, и я очутился перед дверью палаты, номер которой мне подсказали в регистратуре.

Оказалось, палата была общей и к тому же женской. Там я обнаружил двух старушек и девушку, читавшую книгу. Судя по всему, это и есть Мамидзу Ватарасэ.